

Госпожа Чжан, увидев, что пришедшим оказался Цю Ибо, выразила на лице что-то вроде «наконец-то явился», с оттенком облегчения. Она практически сама предложила ему скидку в половину цены, продав усадьбу почти что даром. После подписания договора оставалось лишь зарегистрировать сделку в управлении Интяньфу – и усадьба официально переходила к Цю Ибо.

В восточной части города такая просторная усадьба, не дарованная императором, а потому доступная для свободной продажи, была настолько востребованной, что на следующий день, когда Цю Ланьхэ отправился на аудиенцию, его остановили коллеги, поздравляя с радостным событием в семье и спрашивая, какая именно из младших сестёр Цю выходит замуж, ведь слухов об этом не было вовсе.

В нынешнем поколении семьи Цю после Цю Ибо было ещё с десятков юношей и девушек, но они не сильно младше его и уже успели обзавестись семьями. Старшей из девочек сейчас всего девять лет – о каком таком радостном событии может идти речь? Семья Цю не из обедневших, чтобы продавать дочерей в качестве невест-детей ради пропитания.

Несмотря на это, Цю Ланьхэ лишь улыбнулся и принял поздравления.

Император Цзэ, улыбаясь, выручил Цю Ланьхэ, отозвав его.

– Кстати, твой племянник весьма забавен, – сказал император с необычным выражением. – Настоящий мужчина, но занимается женскими делами.

Цю Ланьхэ искренне не знал, о чём идёт речь – прошлой ночью он оставался во дворце. Однако это не помешало ему ответить:

– Женские дела? Деньги – вещь низменная, но ни государство, ни народ не могут без них обойтись. Разве не так, Ваше Величество?

Император повернулся к нему:

– Я всего лишь пошутил насчёт твоего племянника, не стоит так яростно со мной спорить. Если бы ты, Цю Сян, согласился преподавать моим непутевым сыновьям, я бы ни слова не сказал.

Цю Ланьхэ едва не рассмеялся. Император всегда не одобрял его близкого общения с принцами. Он спокойно ответил:

– Раз Ваше Величество так говорит, то я принимаю ваше повеление.

Император сохранял невозмутимость, его черты оставались мягкими:

– Если Цю Сян согласен, то я немедленно издам указ о назначении вас наставником наследника. Как вам?

– Ваш покорный слуга благодарит Ваше Величество, – ответил Цю Ланьхэ, не собираясь кланяться. Император не обратил на это внимания и сменил тему:

– Говорят, твой племянник собирается сдавать экзамены?

– Если он хочет, пусть попробует, – в голосе Цю Ланьхэ появились тёплые нотки при упоминании Цю Ибо. – А вы как считаете, Ваше Величество?

– Конечно, это прекрасно, – усмехнулся император. – Хочешь, я распоряжусь? Если Цю Ибо

сдаст неважно, я всё равно присвою ему звание Аньчжоу. Ему уже за двадцать, негоже оставаться простолюдином.

Цю Ланьхэ резко поднял голову, глядя прямо на императора:

- Не беспокойтесь, Ваше Величество.

Император понял, что разозлил его, и, наклонившись, коснулся его губ своими. Их взгляды встретились, полные противостояния.

- Даже если Цю Ибо сдаст, я не позволю ему возвыситься.

- Посмотрим, кто окажется сильнее.

Вернувшись в резиденцию, Цю Ланьхэ первым делом отправился к Цю Ибо за объяснениями. Однако, едва переступив порог, он услышал от Мянхэ, что в дом прибыли шестеро юношей, приглашённых самим «девятнадцатым молодым господином». Цю Ланьхэ слегка нахмурился, но, не успев войти во двор Цю Ибо, за стеной услышал тихие всхлипы.

Он ускорил шаг и, войдя внутрь, едва не рассмеялся от возмущения.

Прежде ухоженный сад был расчищен, а на его месте стояли подобия тюремных камер - маленькие деревянные клетушки, разделённые перегородками. В каждой сидели Цю Ибо, несколько детей и двое взрослых. Цю Ибо сохранял невозмутимость, в то время как дети выглядели потрёпанными: в камерах дымили масляные лампы, чад от которых заставлял их всхлипывать. В воздухе витал странный запах, а все они что-то яростно писали.

- Цю Ибо, что ты делаешь? - у Цю Ланьхэ дёрнулся глаз.

Дети, увидев его, встали, всхлипывая, и поклонились:

- Приветствуем шестого дедушку.

Двое постарше, ровесники Цю Ибо, также поприветствовали:

- Приветствуем шестого дядю.

Цю Ибо не вышел, а лишь подперев щеку, лениво наблюдал за Цю Ланьхэ:

- Дядя Ланьхэ, ты вернулся... Почему ты меня не хвалишь?

Цю Ланьхэ, видя, во что превратились дети, сдержанно спросил:

- За что мне тебя хвалить?

Цю Ибо удивился:

- Через два месяца нам предстоит экзамен, вот я и решил подготовить их к обстановке. Разве не так всё будет на настоящем экзамене? Лучше привыкнуть к камерам заранее, чтобы потом не бояться.

Двое старших почесали носы. В принципе, он был прав, но этот девятнадцатый братец умел доводить до крайностей! Они уже сдавали экзамены и знали, что такое камеры, но сегодня, когда Цю Ибо позвал их в дом шестого дяди, они подумали, что это его идея. Каково же было

их удивление, когда их тут же заперли в этих клетушках!

Цю Ланьхэ глубоко вдохнул. Логика в словах Цю Ибо была, но почему же ему так хотелось его ударить? Ему казалось, что Цю Ибо просто не хотел страдать в одиночку и потому втянул в это младших.

А Цю Ибо именно так и думал. Сидеть в «тюрьме» одному было скучно, куда веселее делать это вместе – так хоть психологически легче.

Цю Ланьхэ потер переносицу, развернулся и ушёл, не желая больше этим заниматься.

Пусть Цю Ибо развлекается как хочет – в конце концов, это пойдёт им на пользу.

Время летело быстро, и вот наступил второй месяц. Детей семьи Цю по одному усаживали в повозки. Три дня назад они перестали «сидеть в тюрьме» за учебниками, и, как ни странно, привыкнув к камерам, они сначала обрадовались свободе, потом почувствовали себя счастливыми, а на третий день... им вдруг стало их не хватать.

У входа на экзамен туншэн выстроилась длинная очередь – все проходили досмотр у стражников. Все были одеты в простую тонкую одежду, чтобы облегчить обыск. Среди экзаменуемых были и восьмилетние дети, и подростки, и молодые люди лет двадцати-тридцати, и даже старики за пятьдесят. Цю Ибо, держа за руки младших, стоял в конце очереди, чтобы присматривать за ними.

- О-о, да это же Цю, девятнадцатый молодой господин! – раздался голос позади.

Он обернулся и увидел напыщенного молодого человека лет двадцати, который с преувеличенным удивлением смотрел на него:

- Неужели Цю, девятнадцатый молодой господин, до сих пор не сдал экзамен туншэн? Послушай, твоя семья всё-таки знатная. Если уж совсем не получается, попроси своего шестого дядюшку дать тебе какую-нибудь должность – и дело с концом!

Стоявший рядом с ним мужчина дёрнул его за рукав и поспешил сказать Цю Ибо:

- Цю, девятнадцатый молодой господин, брат Чжао всегда говорит резко, не обращайтесь внимания.

Цю Ибо скользнул по ним взглядом и, повернувшись, наклонился к детям:

- Помните, что делать, когда подойдёт ваша очередь? Руки держите прямо, не бойтесь. Девятнадцатый дядя будет сзади.

Восьмилетний Цю Чжифэй с важным видом ответил:

- Я не боюсь. Дядя сам не бойся.

Цю Ибо потрепал его по голове и улыбнулся. Цю Чжихуэй колебался, глядя на людей позади, и прошептал:

- Дядя, а их не нужно... игнорировать?

- Ты их знаешь? – спросил Цю Ибо.

Цю Чжихуэй честно покачал головой.

- Тогда зачем обращать внимание? - мягко сказал Цю Ибо. - Семья растила вас в роскоши, нанимала лучших учителей не для того, чтобы вы лаяли в ответ на собачий лай.

Дети задумались и решили, что дядя прав. Они выпрямились и спокойно ждали своей очереди.

А тот самый напыщенный молодой человек стоял прямо за ними и, услышав это, взорвался:

- Цю, девятнадцатый молодой господин! Ты что, назвал меня собакой?!

Цю Ибо даже не взглянул на него. В таком месте этот тип мог только кричать - драться он не посмеет. Зачем вообще обращать на него внимание? Такой шут гороховый даже не стоил того, чтобы тратить на него силы. Если Цю Ибо его не знал, значит, его отец или семья не заслуживали внимания Цю Ланьхэ.

- Цю, девятнадцатый молодой господин! Ты оглох?! - кричал тот.

Его спутник пытался заткнуть ему рот, а стоявший рядом подросток лет десяти умоляюще прошептал:

- Брат...!

Но тот кричал так громко, что привлёк внимание стражников:

- Что за шум! Перед экзаменационным залом вести себя подобным образом - это вообще прилично?!

Молодой человек тут же притих. Его слуга поспешно сунул стражнику увесистый серебряный слиток и, наговорив кучу лестных слов, предотвратил выдворение.

Вскоре подошла очередь Цю Ибо и его племянников. Семья Цю имела богатый опыт сдачи экзаменов, а Цю Ибо заранее подготовил всё необходимое, так что досмотр прошёл быстро и без проблем. По иронии судьбы, место Цю Ибо оказалось в самом конце. Он проводил племянников в их камеры и только потом отправился в свою.

Экзамен туншэн длился пять дней. Цю Ибо и его спутники вышли без проблем, их окружили слуги и проводили к карете. Через пять дней были объявлены результаты: Цю Ибо занял первое место, а следующие четыре строчки также заняли представители семьи Цю - просто потому, что других Цю на экзамене не было.

Хотя это был всего лишь небольшой экзамен туншэн, семья Цю ликовала. Особенно радовались за Цю Ибо: с первой же попытки он получил звание Аньчжоу, которое давало право стать сюцаем без дополнительных экзаменов.

Но самое интересное ждало впереди. Цю Ибо сдал также экзамены юаньши и фуши, заняв первые места и получив звание «малого трижды первого».

Узнав об этом, император Цзэ с интересом спросил у главного секретаря Ван и министра церемоний:

- Ну как?

Министерство церемоний отвечало за экзамены, проверяя работы, а текущие экзамены

курировал главный секретарь Ван. Обычно экзамен туншэн не заслуживал их личного внимания, но император лично распорядился.

Главный секретарь Ван склонился:

- Ваше Величество, Цю Ибо обладает выдающимися способностями.

Министр церемоний согласился:

- И я того же мнения.

Император махнул рукой, и ему подали работы Цю Ибо со всех трёх экзаменов. Он долго изучал их и наконец воскликнул:

- Отлично!

Он взял кисть и написал несколько строк красным, но, закончив, вдруг осознал что-то и зачеркнул написанное.

- ...Жаль.

Император отбросил кисть:

- Пусть продолжает сдавать. «Малый трижды первый» - это ещё не предел. Посмотрим.

- Как прикажете.

Чиновники удалились, а император уставился на экзаменационные работы, пробормотав:

- «Малый трижды первый»... Но если он не станет «шестижды первым», смогу ли я его не использовать?

Экзамены проходят раз в три года, и за одно правление может быть десятки Чжуаньюаней. Но «шестижды первый» - это нечто иное. За всю историю лишь раз в несколько столетий появлялся такой человек, и его называли воплощением звезды литературы, знамением удачи. Если Цю Ибо станет «шестижды первым», а император не воспользуется его талантом, это вызовет волну недовольства в народе.

В резиденции Цю Ланьхэ.

Вэнь Жун с озабоченным видом спросил Цю Ибо:

- Молодой господин, в тех дворах живёт всего несколько человек, но их кормят и обеспечивают лучшими письменными принадлежностями... - Арендной платы не хватало даже на жалованье слугам!

Цю Ибо спросил:

- Больше никто не хочет снимать?

- Хотят, но, услышав цену, сразу отказываются, - ответил Вэнь Жун. - Вы установили слишком высокую плату. За такие деньги можно снять целый двор или жить в гостинице.

Цю Ибо равнодушно кивнул:

- А... Тогда скажи тем сюцаям, что приехали в столицу на экзамены, что они могут жить бесплатно, если будут два дня в декаду учить детей.

- Детей? Каких детей? - удивился Вэнь Жун.

- Разве те, что бегают по переулкам, не дети? - ответил вопросом на вопрос Цю Ибо. - Не надо ничего специально организовывать. Просто оставь ворота открытыми и не гони их.

Вэнь Жун хотел что-то сказать, но вдруг замер. Осторожно спросил:

- А тот двор в восточной части города тоже...?

- Конечно нет, - удивился Цю Ибо. - Он для меня.

Шутка ли - участок в две-три тысячи квадратных метров в самом центре Пекина! Конечно, его нужно как следует обустроить, чтобы в будущем он стал объектом культурного наследия, а потомки Цю, если окажутся неудачниками, смогли бы зарабатывать на нём, продавая билеты.

Это же многовековой план для семьи!

Примечание автора:

Простите, я немного колебался и понял, что мне тоже надоела политика.

Так что я включаю «золотую кисть» и становлюсь просто любителем лёгкого чтения.

<http://bllate.org/book/14686/1310449>